

Что? за термином?

Игра

Смысл этого понятия, казалось бы, ясен: все мы в детстве играем — в мячик, в прятки, в куклы, в войну. Те, кто знаком с компьютером, играют в компьютерные игры. Играют и молодые животные, притом домашние животные играют и с нами, и между собой, а дикие — друг с другом. Но это лишь один из смыслов понятия игры, который мы обозначим *Игра-1*.

Взрослые тоже играют — в шахматы, в футбол, в азартные игры (карты, рулетка). Некоторые виды продуманных шуток (не всегда невинных) мы называем розыгрышами. Существует и профессиональная деятельность, содержанием которой яв-

ляется игра, — это профессия актера, исполняющего разные роли. Ясно, что здесь имеется в виду нечто иное, чем то, о чем сказано выше, поэтому эти виды игры мы обозначим *Игра-2*.

Метафорически понятие роли продуктивно используется для описания отношений между людьми в социуме (то есть в обществе). Если роль — это то, кем человек является во время или на время той или иной игры, то социальные роли — это определенные типы нашего поведения в социальных ситуациях, наши временные или постоянные амплуа. Об этом американский психолог и психиатр Эрик Берне написал книгу «Игры, в которые играют люди». Игру в смысле Берне мы обозначим как *Игра-3*.

Игра-1 — это единственный вид деятельности ребенка, существующий у всех народов. Ребенка не надо учить игре: он играет спонтанно и с удовольствием. Для детей раннего возраста характерны так называемые манипулятивные игры: во время купания ребенок шлепает ладонями по воде; сидя в манеже, рвет бумагу, пересыпает камешки; научившись ходить, тянет за уголок скатерть, переворачивает вверх дном любую посуду. С помощью игры ребенок бессознательно усваивает свойства предметов и материалов, обретает ориентацию во времени и пространстве, в общем — познает материальный мир. Несколько позже, стреляя в игрушечного тигра из игрушечного ружья («Я — охотник!») или глядя плющевого мишку («Я — мама!»), ребенок получает возможность проявить свои эмоции — выплеснуть агрессию или выразить нежность. В ролевых играх ребенок как бы примеряет на себя разные виды занятий взрослого: лечит кукол, изображает телеведущего или героя сказки.

В случаях, когда взрослый говорил бы, ребенок облакает свой эмоциональный опыт в операции с предметами. Лучше всего об этом рассказала Анна Фрейд, описавшая реакции детей на разрушительные бомбардировки Лондона немецкими самолетами во время Второй мировой войны. В противоположность взрослым, которые вслух снова и снова вспоминали о пережитых ужасах, дети почти никогда не говорили об этом. Они строили что-то из кубиков, потом на эти постройки падали «бомбы», выли «сирены», стонали «раненные» и т. д.

Игра-2 — это (по происхождению) деятельность взрослых, которая предполагает выполнение следующих условий:

1) она совершается согласно определенным и заранее известным правилам;

2) она изначально бесполезна и ценна сама по себе: хотя выигрыш здесь может иметь немалую материальную ценность, но по сути своей даже

Ревекка
Фрумкина

Опыт
Психолого-психоаналитического
словарика

Первые части
этого материала были
напечатаны
в № 1–4

игра на деньги (например, в тотализаторе на бегах) дарит участникам прежде всего эмоциональный подъем в виде переживания азарта;

3) она обычно включает элементы состязательности — в ней в том или ином виде присутствуют победившие и проигравшие.

Для ребенка, поглощенного свободной игрой, обозначенной нами как Игра-1, важен именно процесс, ведущий к самореализации ребенка как личности, а не результат. Ребенок пяти лет, от которого спортшколу требует обязательного достижения результата, принудительно занимают Игрой-2. Это совсем не та игра, которую ООН провозгласила неотъемлемым правом ребенка. Ранее было бы сказать, что в данном случае это право нарушается.

Театр и карнавал — от века известные формы Игры-2 — ценны тем, что позволяют нам прожить много разных жизней. В театре перевоплощаются только актеры, зритель же включен в игру относительно пассивно, в меру своего сопереживания тому, что происходит на сцене. Актер побеждает, если убедит зрителя в подлинности происходящего, — но проигрывает, если зритель остается равнодушным. На карнавале перевоплощаются все, освобождаясь от ролей, напоминающих об однообразных буднях, и принимая роли, несущие свободу от привычек и повседневных обязательств. При этом как театральные, так и карнавалы действия всегда жестко регулируются правилами: граница между сценой и залом, праздником и буднями осознается как ненарушимая.

Игра-3, понимаемая по Берне, не имеет ничего общего с Игрой-1 и мало общего с Игрой-2. Описание человеческих взаимодействий построено Берне на основе гипотезы о том, что в психике каждого человека есть черты «Родителя», «Ребенка» и «Взрослого». «Ребенок» сосредоточивает в себе сильные и слабые стороны детской природы: он раскован и действует под влиянием минуты, он стремится к удовольствию, но беспомощен. «Родитель» воплощает моральный контроль; он всегда готов защитить слабого, но чрезмерно требователен. «Взрослый» уравновешен и трезв.

Игра-3 — это ситуация, когда один из участников взаимодействия неосознанно выбирает заведомо психологически выгодную для него позицию. Один из примеров такой игры — это взаимодействие по схеме «Да, но...». Здесь один человек занимает позицию «Ребенка» и, на первый взгляд, обращается к другому за помощью и советом как к «Родителю». Однако в ответ на любые советы «Ребенок» возражает по схеме «Да, но...». Например, «Ребенок» жалуется на усталость, но находит множество мнимых причин, объясняющих, почему никакой отдых для него сейчас невозможен. На деле в этой игре «Ребенку» вовсе не нужен совет — он просто хочет, чтобы его пожалели.

Разумеется, понятие игры в широком смысле не сводимо к тому, что мы описали выше. Голландский культуролог Иоханнес Хейзинга прославился книгой «Человек играющий», где показал, что многие виды человеческой деятельности продуктивно рассматривать как игру. Хейзинга внес в наше понимание человека представление о ценности спонтанного и раскованного самовыражения, об изначально неограниченной возможности творчества, в чем бы оно ни состояло. Не менее замечательно написал о творчестве как о свободной и возвышенной игре независимого ума, свободного от узко понимаемой «полезности», Герман Гессе в романе «Игра в бисер». В катастрофической ат-

мосфере Второй мировой войны Гессе, живший в нейтральной Швейцарии, получал сотни писем от тех, кто, прочитав его книгу, нашел в ней для себя моральную опору.

Люди перевоплощаются, освобождаясь от ролей, напоминающих им об однообразных буднях. Гилберт и Джонс. Показывая нос. 1991 год

Личность

С понятием личности мы встречаемся в разных контекстах. Например, историю человечества мы представляем себе преимущественно как череду времен, когда жили и действовали выдающиеся личности. Древняя Греция — это Перикл, Эсхил, Сократ, Платон, Сафо; Древний Рим — это Цезарь, Нерон, Гораций, Вергилий; соответственно образ Средних веков соотнесен с многочисленными Карлами, Генрихами и Людовиками. Наши представления об эпохах Возрождения и Просвещения также персонализированы, то есть ассоциируются в первую очередь с именами и деяниями определенных личностей — Галилея и Данте, Микеланджело и Боккаччо, Вольтера и Руссо. Наконец, XIX век — это Наполеон и Бальзак, Пушкин и Кутузов, Гельмгольц и Пастер, а XX — Эйнштейн и Гагарин, Хемингуэй и Пастернак, но также Гитлер и Мао Цзедун.

А что мы имеем в виду, говоря о наших современниках и знакомых — будь то актер, учитель, спортсмен: «Он (она) — прежде всего личность»? Видимо, мы хотим подчеркнуть, что данный персонаж обладает особыми, именно ему или ей присущими качествами, не сводимыми ни к профессии, ни к внешности или должности. Соответственно, за расхожей фразой «Он хороший певец (математик, футболист), но как личность мне не интересен» стоит наш отказ признать за этим человеком какую-то совокупность свойств, которая отмечает его как непохожую на других индивидуальность. Очевидно, что в обоих случаях мы выделяем в человеке некое ядро, и оцениваем именно это ядро — иногда как особо значительное или оригинальное, а иногда как заурядное.

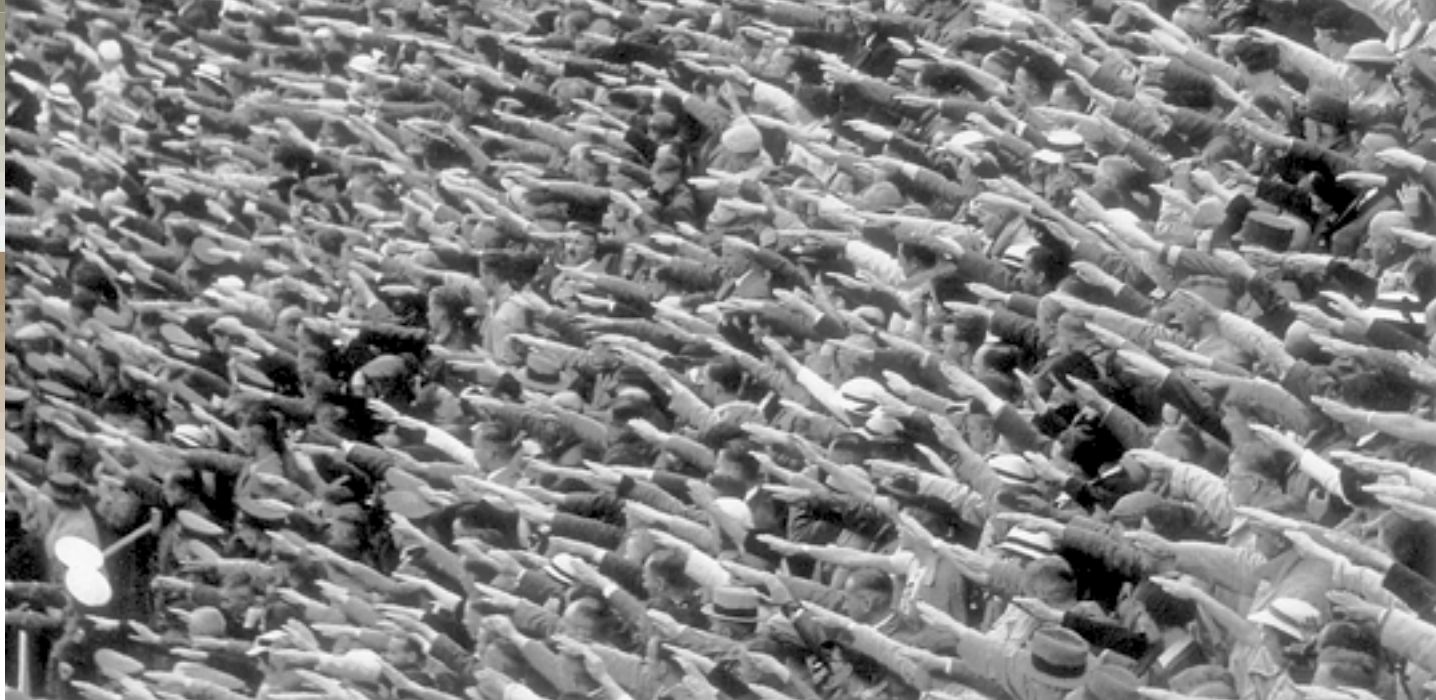
Означает ли сказанное, что «личностями» следует считать только людей выдающихся или хотя бы «особенных»? Безусловно нет. Каждый из нас — личность, независимо от влечений, способностей, пристрастий и ценностных ориентаций. Важно, однако, что личностью становятся, а не рождаются, то есть само понятие личности относится не к уровню психофизиологии, а к уровню социальных характеристик и взаимодействий. Поэтому личность следует рассматривать не изолированно, а в системе характерных для нее отношений с другими людьми и социальными институтами, иначе говоря — в системе социальных ролей и связей.

Большинство из нас в течение жизни успевают «сыграть» много таких ролей: быть дочерью/сыном, женой/мужем, стать матерью/отцом, учить младшего брата кататься на велосипеде, а самому — учиться играть в шахматы; опекать больного, играя роль сильного, но и самому болеть, то есть быть в роли слабого. Овладение (конечно, не полностью осознаваемое) основными ролями, типичными для человека определенной эпохи и культуры, обычно называют социализацией.

Если ребенок почему-либо (например, из-за хронической болезни) длительное время находится в больнице — в вынужденной изоляции от матери и ровесников, — он лишен нормальной возможности социализации, и структура его личности неизбежно будет искажена. Хотя ребенок рождается с уникальным набором генов, но личностью ему еще предстоит стать. По современным представлениям, первая критическая фаза этого процесса, которую можно условно назвать «Теперь я сам!», относится к концу третьего года жизни (и поэтому иногда называется кризисом трех лет). Ребенок впервые последовательно заявляет о себе как о личности — социальном существе, «имеющем право». И пусть пока это только право самому застегнуть пуговку, но через полтора десятка лет это уже будет право личности на выбор жизненного пути. Как реализуется это право — в немалой степени зависит от того, как приняли родители самые первые требования «самости» ребенка, поняли ли они, что за ними стоят первые шаги в формировании личности.

Система характерных для личности социальных ролей и тем самым содержание понятия личности существенно зависит от эпохи. Во все времена люди любили и ненавидели, поклонялись богам и героям, презирали обман и трусость, восхищались красотой и страдали от утрат. Не следует, однако, думать, что они переживали при этом то же, что и мы. В Древней Греции свободный гражданин был в первую очередь не индивидуальной и неповторимой личностью, а членом своего полиса. В эллинистической культуре любовь и уважение зрелого мужчины к жене вполне совмещалась с любовью к юноше, которому старший по возрасту и положению покровительствовал или делил с ним тяготы военных походов. Во времена Высокого Средневековья был распространен культ рыцарской любви, но эта любовь могла быть обращена исключительно к замужней даме и культивировалась, как мы это знаем из поэзии трубадуров, как заведомо неосуществимая в земной жизни.

Судьба человека зависела от благосклонности богов, и у древних были иные, чем у нас, представления о свободе выбора и вообще о «Я». В IV веке блаженный Августин, тогда еще молодой человек, недавно обретший христианскую веру, написал «Исповедь» — своего рода диалог с Богом. «Позна-

вая себя, познаю Тебя», — пишет Августин. Но «Я» Августина — это не новоевропейская независимая личность, а дитя Божье, один из малых сих, который ищет не путь к себе, а путь от себя к Богу.

Новоевропейская личность возникнет только через тысячу лет после Августина, в эпоху Возрождения. Тогда будет осознана неповторимость, ответственность отдельной личности; «тайна» личности, состоящая в том, что пока человек живет, он может постоянно меняться и перерешать свою судьбу.

Независимо от того, разделяем ли мы догмы какой-либо из религий, надо признать, что все человеческое в нас обусловлено, ибо мы рождаемся в уже готовый мир. Но человек именно в той мере личность, в какой он может занять определенную позицию по отношению и к внешней среде, и к своему внутреннему физическому и психическому миру. Как писал крупнейший современный психиатр и философ Виктор Франкл, «типом и характером я лишь обладаю; то же, что я есть, — это личность». Личность — это свобода выбора, в том числе свобода стать иным.

Личность *условно* свободна — поскольку человек не всемогущ. Но свобода личности не тождественна произволу. Именно поэтому свобода личности предполагает и ответственность: личность ответственна за осуществление смысла и реализацию ценностей. Ответственность, наполненность смыслом и свобода и есть те первичные свойства, которые делают человека личностью.

Проблема смысла жизни особенно актуальна для личности в период ее становления — в юношеском возрасте. Смысл жизни для личности раскрывается в действии, в активном присутствии кому-то или чему-то вне ее самой — близкому человеку, любимому делу, усилиям созидания. В полной мере существование личности обретает смысл лишь в обществе, ибо именно неповторимость отдельной личности делает ее столь ценной и уникальной.

И все-таки мы бы обеднили личность, если бы считали, что она полностью обусловлена социумом. В действительности же не только социум влияет на личность, но и она влияет на социум. Многие ценности переживания полностью принадлежат личности именно как индивиду. Восприятие поэзии, природы и искусства остаются ценностями независимо от того, выгодны они обществу или нет.

Личность растворяется в толпе: покорные немцы тянут руки в приветствии Гитлеру на празднике закрытия Олимпийских игр в Берлине в 1936 году

Создавая симфонию или книгу, личность реализует так называемые «ценности созидания», значимость которых может быть осознана социумом тотчас и принести успех. Творческая личность, нуждаясь в признании, творит, тем не менее, не ради успеха, а потому, что только процесс созидания ценностей наполняет ее существование смыслом.

Другой источник смысла жизни — это реализация личностью «ценностей отношения». Ценности отношения выступают на первый план всюду, где личность сталкивается с чем-либо, навязанной судьбой, что сама она изменить уже не может. Лишь приняв этот вызов, личность может осуществить себя со всей полнотой. Не только недостаток успеха не может лишить жизнь смысла, но и страдание может быть принято личностью как возможность максимальной реализации ценностей отношения. Удары судьбы (таковы болезнь, утрата близких, равнодушные любимые) — удел каждого из нас. Но скорбь или раскаяние также наполнены смыслом: потерянный возлюбленный благодаря нашей скорби о нем продолжает жить, раскаяние очищает личность от вины.

Известна история человека, умиравшего в больничной палате от болезни крови. Сопrotивлявшийся болезни до конца, он смог наполнить смыслом не только свою жизнь, но и жизнь своих товарищей по несчастью, страдания которых он старался облегчить. Это и значит, что до последних минут он оставался личностью.

Во время Второй мировой войны в концлагере Терезин, где еврейским детям запрещено было учиться, художница Фридл Диккер-Брандейсова стала учить их рисовать. Сила личности Фридл была такова, что вместе с ней рисовали почти все маленькие узники, жизнь которых была — благодаря Фридл — наполнена смыслом созидания до последнего момента, когда вместе с Фридл их отправили в лагерь смерти Освенцим. Четыре с половиной тысячи сохранившихся рисунков детей из Терезина — быть может, самое яркое подтверждение возможностей самореализации человеческой личности в нечеловеческих условиях.

Личность не только поступает в соответствии с тем, что она есть, но человек *становится* личностью в зависимости от того, как он *поступает*. Доброта и мужество рождаются из последовательности добрых и мужественных поступков.

Ревекка Марковна Фрумкина —

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института языкознания
Российской Академии наук.
Автор книг
и многочисленных статей
специального характера,
учебника для вузов
«Психоллингвистика»